

Но изначально в роли обезглавленного рыцаря выступал епископ... Бьюконен стяжал славу человека, острого на язык. Однажды король Франции продемонстрировал ему картину: изображение распятия в окружении двух высокопоставленных особ — самого короля и Папы Римского. «Спасибо, — отозвался шут, — мне частенько говорили, что Спаситель был распят в компании двух разбойников, но теперь мне доподлинно известны их имена». Бьюконен научил Якова,» те времена еще шотландского короля, обдуманно подходить к делам государства. Зная манеру Якова подписывать бумаги не глядя, он подсунил ему рескрипт, передававший королевскую власть шуту сроком на 15 дней:

«Едва заполучив бумагу назад, он отправился прямо к королю и сказал, что его время на престоле закончилось. Король вскочил от удивления, и Джордж, не мешкая, уселся на трон, провозгласил себя королем и сказал: „Ты, некогда владевший короной, станешь моим дураком, я теперь — мудрейший из людей“. Король был возмущен до глубины души, но тут Джордж продемонстрировал бумагу за его собственной подписью и печатью. С этих пор король всегда вникал в то, что подписывал».

Как Уилл Соммерс до него и Арчи Армстронг после, Бьюконен был, не в последнюю очередь, выдающимся политиком и дипломатом. Он ездил с посольством в Италию, а на провокационное письмо французского короля, содержащее риторическую фразу: «Если я приду, если я приду, если я приду!» (издевательский намек на «пришел, увидел, победил» Юлия Цезаря), со спокойствием ответил: «И придешь, и придешь, и придешь» (то есть «где сел, там и слез», приходите — приходи, но только из этого еще ничего не следует). Подобный ответ полностью разрядил обстановку. В истории шутов наблюдается примечательная преемственность. Скоггин унаследовал шутки Маркольфа, Уленшпигеля и даже Гонеллы, Бьюконен принял эстафету у Скоггина, и уже его, правда абсолютно безосновательно, изгоняли из Шотландии (чтобы он мог вернуться, насыпав в туфли английской земли) или отводили в уборную, показать портрет Уильяма Уоллеса (англичанин утверждал, что «из почтения перед шотландцами мы держим его изображение и по сей день там, где испражняемся»). Национальный колорит шуток оттеняет большинство историй, которые рассказывают о Бьюконене. Однажды, когда английский епископ прошелся насчет шотландского пьянства, Бьюконен парировал выпад. «Как, вы — шотландец? — Да, — ответил Джордж, — я скотт. — Епископ поинтересовался: далеко ли скотту до пьяной скотины. — Сейчас не слишком — всего лишь протянуть руку на ширину стола. — А епископ и Джордж находились как раз друг напротив друга. Епископ вскочил и вышел, покраснев от ярости, а прочие гости чуть не вывихнули себе челюсти, смеясь над этой шуткой».

Любимым шутком королевы Елизаветы был Ричард Тарлтон (ум. 1588), говорят, что иным фаворитам приходилось добиваться не только внимания королевы-девственницы, но и, в первую очередь, ее шута. Тарлтон, который в молодости пас свиней, умело высмеивал графа Лестера, а именно граф привез его ко двору, регулярно присутствовал на королевских ужинах и славился тем, что мог вывести королеву из депрессии. Слава Тарлтона была настолько велика, что его портреты и несколько веков спустя все еще украшали вывески питейных заведений. В свободное от борьбы с невеселым настроением монархини время Тарлтон совмещал придворную карьеру с игрой на подмостках, и именно он принес на сцену образ шута, героизированный Шекспиром. Примечательно, что все шутовские роли в «Глобусе» исполнял непосредственный ученик Ричарда Тарлтона, Роберт Армии. К сожалению, к тому времени, когда Шекспир написал «Генриха VIII», Армин уже ушел со сцены, и Уильяма Соммерса было сыграть некому...

Считается, что Тарлтон веселил королеву скорее сценическими репризами, чем сентенциями на злобу дня. Этим он отличался от многих своих предшественников, например, Пэча, однажды приглашенного (после нескольких десятилетий изгнания) к королевскому двору. Королева поинтересовалась, на какие недостатки Пэч может ей указать, но прославленный (к тому времени) ученый муж — а его предупреждали быть осторожнее — не сдержался и ответил: «У меня нет обыкновения рассуждать о том, о чем судачит весь город». Больше Пэча во дворец не звали... «Книга шуток Тарлтона», сочинение апокрифическое, вызывает недоумение у современных ценителей острого слова. Неужели это (!) может быть шуткой:

«Тарлтон, пребывая в веселом настроении духа, сидел со своей женой и вдруг ска-